

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-61–77

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ПЕРСИДСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ (к вопросу о значении термина *bandakā*)

В.П. Орлов

Казанский федеральный университет, Казань, Россия
777warlock777@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается дискуссионный в исследовательской среде вопрос о социальном статусе персидской аристократии в Ахеменидской державе. Автор анализирует семантические значения древнеперсидского термина *bandakā*, при помощи которого персидский царь Дарий I обращается к своим сподвижникам из числа знати, а также обозначает подвластные ему страны. Автор приходит к выводу, что применение термина *bandakā* в качестве обращения царя к своим подчиненным свидетельствует об их высоком социальном статусе, который был обусловлен непосредственной политической связью с фигурой персидского монарха. Кроме того, словосочетание *manā bandakā*, нашедшее на Древнем Востоке отражение в эламском, аккадском и арамейском языках, зачастую было передано переводчиками с искажениями, которые иногда мешают адекватно понимать политические реалии Ахеменидской державы.

Ключевые слова: Ахемениды, аристократия, Дарий I, Бехистунская надпись, социальный статус

Одним из ключевых древнеперсидских понятий, которое используется для обозначения социального статуса представителей персидской аристократии по отношению к Великому царю, является *bandakā*. В Бехистунской надписи термин *bandakā* представлен в форме *badakā*¹ и встречается 10 раз (DB. I. 19, II. 20, 30, 49f, 82, III. 13, 31, 56, 85, V, 8) в словосочетании *manā badakā*. Единожды данное выражение применяется по отношению к подвластным странам, а в остальных случаях к конкретным людям, которые находились в непосредственном подчинении царя Дария I.

На сегодняшний день в отечественной историографии имеется три полных перевода Бехистунской надписи с древнеперсидского языка. В.И. Абаев пере-

Данные об авторе: Орлов Василий Павлович – соискатель кафедры всеобщей истории Института международных отношений Казанского федерального университета.

¹ Звук «п» в данном слове не передается посредством древнеперсидской клинописи, а восстанавливается исследователями исходя из этимологии с родственными словами, которые встречаются в среднеперсидском, новоперсидском и некоторых других иранских языках. Подробнее об этом см.: Skjærvø 2016, 17.

водил словосочетание *manā bandakā*, которое применяется к людям, как «мой подчиненный»², М.А. Дандамаев использовал³ вариант «мой раб»⁴, как и Р.С. Меликов⁵. В «Этимологическом словаре иранских языков» *bandakā* переводится как «подчиненный», «подвластный» или «вассал»⁶. Надо сказать, что в отечественной историографии вопрос о переводе и значении словосочетания *manā bandakā* периодически поднимался, но не становился предметом специального исследования. Так, Ю.Б. Юсифов отмечал, что понятие *bandakā* применялось для обозначения морального и служебного подчинения одного юридически свободного лица другому, но вышестоящему⁷. Аналогичного мнения придерживался И.М. Дьяконов, однозначно разделявший понятия «рабство» и «рабы» и понятие «подчиненный», которое как раз, по его мнению, и передавалось при помощи *bandakā*⁸. Зарубежные исследователи заостряют большее внимание на данном термине, дискуссионном с точки зрения перевода и фактического значения.

П. Бриан пишет, что *bandakā* отражает личную связь между Великим царем и представителями персидской аристократии, которая выражается в полной лояльности или верности по отношению к Дарию I со стороны знатных персов⁹. Французский историк отмечает, что смысловое значение *bandakā* крайне сложно передать, даже несмотря на то, что в аккадской версии Бехистунской надписи эквивалентом *bandakā* является термин *qallu*, однозначно связанный с лексикой, передающей значение «рабства» или «зависимости»¹⁰. К. Таплин пишет, что *bandakā* используется только в Бехистунской надписи и может обозначать почетный статус подданного, к которому он применялся¹¹. А. Миссиу, в свою очередь, заключает, что словосочетание *manā bandakā* может свидетельствовать о том, что Дарий I желал подчеркнуть четкую иерархичность персидского общества¹². По её мнению, на вершине социальной и административной иерархии стоял Великий царь, у которого были «квази-личные отношения» с великим богом Ахурамаздой, а с помощью обращения *manā bandakā* персидский царь дистанцировался от представителей аристократии. Такая точка зрения действительно имеет право на существование, если учесть, что монументальная по своим масштабам Бехистунская надпись отражала имперский характер¹³ государства Ахеменидов, в которой главную роль, безусловно, должен был играть Великий царь Персии. П.О. Скьерво также считает, что между Ахурамаздой и Великим царем существует связь, которая достигается за счет жертвоприношений, а *bandakā*, в свою очередь, связан с персидским царем с помощью клятв верности¹⁴. Идею принесения клятвы Ве-

² Абаев 1950, 255–263.

³ Дандамаев 1963, 262–271.

⁴ Однако в последующей монографии исследователь принимает перевод «мой слуга» в качестве более корректного. См.: Дандамаев 1985, 91, 100.

⁵ Меликов 2013, 39–101, 321–334.

⁶ Расторгуева, Эдельман 2003, 74.

⁷ Юсифов 1961, 47.

⁸ Дьяконов 1959, 75, 86; Дьяконов 1956, 328.

⁹ Briant 2002, 65.

¹⁰ Briant 2002, 354.

¹¹ Tuplin 2010, 55.

¹² Missiou 1993, 377–391.

¹³ Подробнее об имперской идеологии в Ахеменидской державе см.: Рунг 2015, 130–140.

¹⁴ Skjærvø 2005, 57, 82.

ликому царю со стороны аристократии также разделяют В. Эйлерс и К. Херреншмидт, утверждающие, что термин *bandakā* отражает добровольную, но в то же время подчинительную связь между Дарием I и представителями родовой аристократии¹⁵. Похожую точку зрения высказывает Й. Визехёфер, который полагает, что Великий царь номинально сосредотачивал в своих руках все ветви власти и с точки зрения иерархии стоял намного выше всех своих поданных, которых он именовал *bandakā*¹⁶. Дж.М. Балсер в то же время считает, что термин *bandakā* свидетельствовал о вассальной зависимости от Великого царя отдельно взятого лица, которое выплачивало налоги или находилось на военной службе¹⁷. Исследователь также отмечает, что лидийцы, попав под власть персов, переняли слово *bandakā*, которое у них трансформировалось в *bantakashash* и обозначало «вассала» Великого царя¹⁸. Похожее мнение высказывает и Р. Шмидт, который фиксирует, что, скорее всего, *bandakā* не означает подчиненного или слугу, как это часто считалось ранее, а больше соответствует терминам «вассал» или «арендатор»¹⁹. Аналогичной позиции придерживается Д. Борбор, выступающий с резкой критикой в адрес советских историков, которые переводили *bandakā* как «раб» или «слуга». По мнению иранского исследователя, *bandakā* корректней переводить как «[преданный] поданный» или «приверженец»²⁰.

Р. Фрай отмечал, что теоретически каждый чиновник или придворный мог обозначаться термином *bandakā*, который использовался лишь в качестве формы обращения Великого царя к поданным²¹. М. Василеску справедливо замечает, что *bandakā* не использовался по отношению к обычным людям, группам войск, народам, союзникам, а обозначал только конкретные личности, которые занимали достаточно высокое положение, а также страны, перешедшие под власть Великого царя по воле Ахурамазды²².

Интересную интерпретацию понятия *bandakā* посредством анализа материала Ветхого Завета представляет К. Митчелл, которая не согласна с тем, что *bandakā* описывает отношения «вассального» типа. Она полагает, что слово *bandakā* демонстрирует наличие между Великим царем и некоторыми поданными взаимоотношений, которые имели личный и даже священный характер, основанный на преданности и лояльности²³.

Исходя из вышесказанного можно прийти к обобщающему выводу о том, что в современной историографии сложилось две различные точки зрения, касающиеся значения слова *bandakā*: в первом случае историки видят в словосочетании *manā bandakā* отражение жесткой подчинительной связи между Великим царем и всеми остальными жителями Ахеменидской державы, а во втором – своеобразную систему «вассалитета», в которой Великий царь по отношению к представителям аристократии скорее имел статус *primus inter pares*, нежели обладал абсо-

¹⁵ Eilers, Herrenschmidt 1989, 682b–685a.

¹⁶ Wiesehöfer 1996, 31.

¹⁷ Balcer 1995, 79.

¹⁸ Balcer 1984, 214.

¹⁹ Schmitt 1991, 50.

²⁰ Borbor 2015, 16.

²¹ Frye 1984, 109.

²² Vasilescu 2010, 132–133.

²³ Mitchell 2015, 301.

лютой полнотой власти. Для того чтобы дать ответ на вопрос о значении термина *bandakā*, необходимо обратиться к тексту Бехистунской надписи.

Благодаря тому, что Бехистунская надпись помимо древнеперсидского сохранилась на эламском, аккадском и арамейском языках, у нас есть возможность сравнить соответствующие эквиваленты термина *bandakā*. В эламской версии Бехистунской надписи словосочетанию *manā bandakā* соответствует *libar-uri*. М. Хачикян переводит *libar-uri* как «мой слуга»²⁴. А. Миссиу на основе анализа Персепольских фортификационных табличек приходит к выводу, что *libar* («слуга») передает социально-экономическую зависимость человека более низкого статуса²⁵. И. Колдиц отмечает, что *libar* имеет широкий диапазон значений и в текстах Персепольских фортификационных табличек используется для обозначения «приспешников», «слуг», «рабов», а также свободных людей, которые состоят в каких-либо служебных отношениях²⁶. При этом словом *libar* никогда не называет женщин или детей²⁷, хотя термин *kurtaš* используется для обозначения не только взрослых женщин и мужчин, но также мальчиков и девочек²⁸. С. Сато пишет, что в Персепольских фортификационных табличках слово *libar/libap*, во-первых, противопоставляется термину *salur* и соответствует более низкому социальному статусу; во-вторых, люди, обозначенные понятием *libar*, никогда не упоминаются сами по себе; в-третьих, имеет место конструкция «его *libar*», которая описывает определенную степень зависимости одного человека от другого²⁹. Исследовательница также сопоставляет *libar* с термином *kurtaš* и приходит к выводу, что в рабочие отряды, состоящие из *kurtaš*, в малом количестве включались *libar*, которые отличались по статусу³⁰. Б. Функ отмечал, что *kurtaš* представляли собой полузависимую группу населения и некоторые её члены даже могли иметь статус рабов³¹. По мнению М.А. Дандамаева, термином *kurtaš* изначально обозначались рабы-военнопленные, а затем слово приобрело более широкое значение «работник», и им именовались многочисленные люди из низов персидского общества, которые были лично свободны и добровольно работали за плату или временно отбывали трудовую повинность³². В эламской же версии Бехистунской надписи термину *kurtaš* соответствует древнеперсидское слово *māniya*, которое также имеет неоднозначную семантику³³.

Р.Г. Кент переводил *māniya* как домашнее имущество³⁴. И.М. Дьяконов³⁵, наряду с В.И. Абаевым³⁶, считал, что *māniya* можно перевести как домашняя

²⁴ Khačikjan1998, 26, 60.

²⁵ Missiou 1993, 385.

²⁶ Colditz 2000, 118.

²⁷ Colditz 2000, 118.

²⁸ Роллингер, Хенкельман 2018, 70.

²⁹ Sato 1974, 26–27.

³⁰ Sato 1974, 24–30.

³¹ Функ 1990, 10.

³² Дандамаев 2013, 136.

³³ Более десятка различных толкований термина *māniya*, встречающихся в исследовательской литературе, приводятся в работе М.М. Дьяконова, изданной ещё в начале 60-х гг. XX в. См.: Дьяконов 1961, 368–372.

³⁴ Kent 1950, 202.

³⁵ Дьяконов 2012, 201.

³⁶ Абаев 1950, 255–263.

челядь или домочадцы. В.О. Тюрин полагал, что *māniya* означает «домашних», или тех, кто принадлежат к «дому-фамилии»³⁷. Н. Гершевич высказал мнение, что более корректным переводом будет «домашний раб»³⁸, его позицию разделял и М.А. Дандамаев³⁹, хотя изначально отечественный иранист переводил термин *māniya*, встречающийся в Бехистунской надписи, как «рабы вместе с хозяйствами»⁴⁰. П. Бриан также считает, что *māniya* переводится как «домашний слуга»⁴¹. Можно констатировать, что на сегодняшнем этапе развития иранистики понятие *māniya* большинством исследователей принято переводить как «домашние рабы», что соответствует системе патриархального рабства. Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что эламский вариант Бехистунской надписи различает *kurtas̄* и *libar/libap*, как две обособленные категории зависимого населения. Термин *kurtas̄* соответствует древнеперсидскому понятию *māniya*, а *libar/libap* соотносится с интересующим нас понятием *bandakā*.

На наш взгляд, разница между *kurtas̄* и *libar / libap* и, соответственно, *māniya* – *bandakā* вполне очевидна. Она заключается в том, что *kurtas̄* отражает экономическую дифференциацию общества, а *libar / libap* социальную стратификацию. Таким образом, *libar / libap* обозначает человека, который находился в личной зависимости от другого ввиду своего более низкого социального статуса, но не обязательно экономического. Понять смысловое значение термина *libar / libap* крайне важно, так как ряд исследователей полагает⁴², что именно эламский вариант Бехистунской надписи был записан первым и мог явиться основой для аккадской и древнеперсидской версий.

Однако совершенно однозначно можно утверждать, что генетические различия между эламским языком-изолятом, аккадским, относящимся к семитской группе языков, и древнеперсидским, принадлежащим к индоевропейской языковой семье, были настолько сильны и со стороны богатства лексикона, и с точки зрения историко-культурного развития, что невозможно говорить о какой-либо адекватной семантической передаче термина *bandakā*. Известно, что на момент составления Бехистунской надписи древнеперсидский язык только обретал свою письменную форму, а орфографическая норма и вместе с ней и семантическая традиция ещё не сформировались⁴³. В этой связи позволим себе высказать мнение о том, что степень влияния эламской версии Бехистунской надписи при создании последующих вариантов текста крайне преувеличена в исследовательской среде. Письменный эламский язык в целом был одним из первых, с которым удалось познакомиться древнеперсидским царям и поэтому совершенно не удивительно, что история о воцарении Дария I могла быть записана в первую очередь именно на нем.

В свою очередь аккадский вариант Бехистунской надписи передает *bandakā* при помощи двух понятий – *ardu* (DB. I. 7) и *qallu* (DB. II. 22, 23, 24, 26, III. 31, 34, 37, 39). Ч. Пэ переводит понятие *ardu*, встречающееся во фрагменте DB. I. 7, как

³⁷ Тюрин 1951, 35.

³⁸ Gerschevitch 1948, 139–142.

³⁹ Дандамаев 1974, 333.

⁴⁰ Дандамаев 1963, 262–271.

⁴¹ Briant 2002, 103.

⁴² Оранский 1966; Hinz 1976; Schmitt 2009–2010.

⁴³ Подробнее о развитии древнеперсидского языка см.: Оранский 1966; 1975.

«вассалы»⁴⁴, а *qallu* как «подданный»⁴⁵. Конструкция *anaku ardu*, которая зафиксирована в Бехистунской надписи в форме *anaku (l)ardu*, имеет очень древнее происхождение. К примеру, ещё во второй половине XIV в. до н. э. угаритский царь Никмадда в переписке с Суппилулиумом I обращается к нему при помощи формулы «*anaku ardu la samli larri rabi beliya*» – «Великий царь, мой Господин», я слуга его Величества»⁴⁶. Стоит отметить, что традиция использования на Древнем Востоке терминов, которые исследователями переводятся как «раб», по отношению к лицам, имеющим достаточно высокий социальный статус, очень древняя. Так, Н.В. Козырева, анализируя шумерский термин *ig* («раб/слуга»), встречающийся на печатях из городов Южной Месопотамии первой половины II тысячелетия, отмечает, что адекватно перевести данный термин трудно, так как «он мог использоваться как для обозначения частного раба, т. е. человека совершенно определенно рабского статуса, так и для обозначения “свободного” человека, подчиненного более высокопоставленному лицу. В таком случае этот термин мог выражать лояльность, почтение или зависимость, служебную или личную»⁴⁷.

М.А. Дандамаев полагал, что *ardu* корректней переводить как «раб», но при этом отмечал, что это слово также использовалось для обозначения зависимости в широком смысле⁴⁸. В контексте истории Ахеменидской державы важно рассмотреть использование понятия *ardu* в так называемом Сиппарском цилиндре вавилонского царя Набонида. В данном источнике идет речь о том, как будущий Кир Великий, тогда ещё только правитель Аншана, победил в битве мидийского царя Астиага и увел его в плен. Интересующий нас фрагмент, в котором фигурирует фраза «*IR-su = aradsu*» – «его *ardu*»⁴⁹, с точки зрения понимания является дискуссионным в историографии.

Суть полемики заключается в том, чтобы понять, чьим *ardu* был Кир II, о котором идет речь в тексте. М.А. Дандамаев считал, что Кир II назван рабом Астиага⁵⁰. Однако П. Бриан со ссылкой на Дж. Балсера указывает, что такое понимание данного пассажа ошибочно⁵¹. Аналогичного мнения придерживается и М. Уотерс, который полагает, что Кир был «младшим подчиненным» не Астиага, а непосредственно бога Мардука⁵². Исследователь отмечает, что идея о том, что иноземные народы предстают в виде инструмента возмездия богов, является типичным месопотамским мотивом⁵³. Однако с таким мнением также не согласен ряд исследователей⁵⁴. К примеру, Р. Крац полагает, что Кир являлся *ardu* непосредственно

⁴⁴ Вае 2001, 403

⁴⁵ Вае 2001, 413.

⁴⁶ Greenfield 1967, 117–119.

⁴⁷ Козырева 2016, 483 прим. 8.

⁴⁸ Дандамаев 1974, 54–59.

⁴⁹ Kratz 2002, 48.

⁵⁰ Дандамаев 1985, 270 прим. 9.

⁵¹ Briant 2002, 879. К слову, А.И. Иванчик отмечает, что во французском издании компендиума П. Бриана имеется противоречие, которое заключается в том, что в одном месте автор принимает мнение М.А. Дандамаева, а в другом напротив отрицает его. (Иванчик 2000, 175 прим. 3).

⁵² Waters 2017, 67.

⁵³ Waters 2017, 67.

⁵⁴ Одни исследователи считают, что Кир был *ardu* Набонида, другие – Мардука, третьи – Астиага, а четвертые и вовсе полагают, что непосредственно мидийцев, которые упоминаются в тексте как *luUmm n-man-da*. Подробнее об этом см.: Kratz 2002, 148.

мидийцев, однако отмечает, что таким образом Кир все равно представал в виде «вассала», деятельность которого была направлена на благо вавилонских богов и царей⁵⁵. Необходимо отметить, что данный вопрос очень спорный и, к примеру, в «Чикагском словаре аккадского языка» дается перевод, согласно которому Кир II все-таки был подчиненным Астиага⁵⁶. В свою очередь, в «Кембриджской истории Ирана» Кир II представлен как *ardu* Мардука, имеющий незначительную армию, что, по мнению авторов, немаловажно, так как описывает ситуацию, когда силы серьезного противника были повержены по воле Мардука, интересы которого представляет сам Набонид⁵⁷. На наш взгляд, идея о том, что в произведении «Сон Набонида» Кир представал в виде орудия возмездия в руках вавилонских богов, отнюдь не безосновательна. Во-первых, она хорошо согласуется с общей сюжетной линией источника, согласно которой боги дают возможность Набониду восстановить разрушенный мидийцами храм, во-вторых, не совсем понятно для чего Набониду указывать на наличие некой серьезной политической силы в лице Астиага, у которого есть собственные подчиненные цари или областеначальники. Кроме того, нельзя забывать, что Набонид был узурпатором власти⁵⁸ и, таким образом, представить военный конфликт между Киrom и Астиагом как волю Мардука, имеющей пользу для Вавилона, могло быть вполне в духе политической пропаганды того времени. Таким образом, возникает закономерный вопрос: могли ли вавилонские писцы времен Дария I знать, что Кир Великий был представлен в «Цилиндре Набонида» как *ardu* Мардука? Мы отвечаем на этот вопрос позитивно и соответственно заключаем, что идея о том, что Кир Великий в «Цилиндре Набонида» предстает как *ardu* Мардука также согласуется с пассажем Бехистунской надписи, в котором говорится, что 23 страны стали *ardu* Дария I по воле Ахурamazды⁵⁹. То есть мы приходим к выводу, что термин *ardu* к моменту правления Дария I уже применялся по отношению к ахеменидским царям и мог ассоциировать их власть с божественной связью.

Другой интересующий нас аккадский термин *qallu*, который в Бехистунской надписи соответствует древнеперсидскому *bandakā*, когда речь идет о подчиненных Дария I, также имеет достаточно давнюю традицию употребления в Месопотамии. В VI в. до н.э. именно *qallu* чаще всего использовался в Вавилоне для обозначения рабов мужского пола⁶⁰. Этимологически термин *qallu* связан с понятиями, обозначающими «легкость», «неважность» или «неполноценность»⁶¹. М.А. Дандамаев отмечал, что в очень редких случаях *qallu* использовался в Нововавилонское время в своем старовавилонском значении, которое соответствовало слову «слуга»⁶². Однако сам отечественный иранист считал, что *qallu* является эквивалентом древнеперсидского *bandakā* и обозначает «раб»⁶³. В этой связи возникает закономерный вопрос: почему в Бехистунской надписи термин *qallu* также

⁵⁵ Kratz 2002, 148

⁵⁶ Gelb, Landsberger, Oppenheim, 1962, 546–548.

⁵⁷ Oppenheim 1985, 545–549.

⁵⁸ Д'Агостино 1995, 170.

⁵⁹ Здесь и далее мы принимаем в качестве наиболее верного перевод Ч. Пэ. (Вае 2001, 403).

⁶⁰ Kleber 2017, 101.

⁶¹ Bradley, Cartledge 2011, 8.

⁶² Dandamaev 1984, 92.

⁶³ Дандамаев 1974, 60.

нельзя перевести словом «слуга» вместо «раб». Похожим вопросом задается и М. Столпер, который, анализируя архивы Дома Мурашу, приходит к выводу, что *qallu*, как и *ardu*, в общем смысле лучше переводить с помощью слова «слуга» (*servant*)⁶⁴, так как оно имеет относительно нейтральные коннотации, нежели термин «раб» (*slave*), который обозначает значительно более низкий правовой статус отдельного взятого человека. Аналогичного мнения придерживаемся и мы, исходя из того, что русское слово «раб» имеет очень сильную негативную коннотацию и вряд ли может отражать реалии аккадо-язычного общества VI в. до н.э.

Кроме того, в аккадской версии Накши-Рустамской надписи Дария I *qallu* трижды соответствует древнеперсидскому термину *marīka*, который М.А. Дандамаев переводит как «подданный»⁶⁵. Схожего мнения придерживался и Р. Кент, считавший, что в общем смысле *marīka* обозначает человека более низкого ранга, а непосредственно в Накши-Рустамской надписи термин может быть переведен как «слуга» (*menial*)⁶⁶. При этом, если обратиться непосредственно к пассажу, где встречается термин *marīka*, то можно констатировать, что Дарий I обращается при помощи него к людям, которые могут уличить Великого царя во лжи⁶⁷, однако не должны этого делать, так как его деяния являются проявлением воли Ахурамазды (В DNB. 50–60). Кроме того, если учесть, что в эламской версии термин *marīka* (аккадское *qallu*) передается с помощью понятия *sak*, которое обычно переводится как «сын»⁶⁸ или «потомок по мужской линии»⁶⁹, то получается, что в понимании эламского переводчика Дарий I мог выступать, как символический отец для тех, кого мы также именуем *marīka* или *qallu*. Такие патерналистские нотки в поведении со стороны эламского переводчика, на наш взгляд, далеко не случайны и даже очень показательны. Именно эламские Сузы стали одним из первых столичных городов для ахеменидских царей⁷⁰, а в тексте Бехистунской надписи говорится, что эламиты трижды поднимали восстание и только на третий раз Великий царь решил послать войско на подавление мятежа⁷¹. Таким образом, можно предположить, что восстания в Эламе были подавлены менее жестоким образом, нежели в других областях империи, и именно это снисходительное отношение Дария I к эламскому народу, который многому научил персов времен Кира Великого, могло найти отражение в понятие *sak* из Накши-Рустамской надписи. Однако аккадский писец в Накши-Рустамской надписи вновь использовал *qallu*, что вполне закономерно, так как в Бехистунской надписи подробно описывается, как Дарий I с помощью войска подавил два восстания в Вавилоне и, соответственно, в очередной раз подчинил вавилонян.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем прийти к выводу о том, что эламский и аккадский термины, соответствующие древнеперсидскому *bandakā*, не могут адекватно отражать те смыслы, которые в него вкладывал Дарий I, когда обозначал покоренные страны и своих полководцев. В каждом отдельно взятом

⁶⁴ Stolper 1985, 21.

⁶⁵ Дандамаев 1974, 61.

⁶⁶ Kent 1950, 202.

⁶⁷ О понятии ложь в понимании Ахеменидов см.: Lincoln 2015, 135–144.

⁶⁸ Dandamaev, Lukonin 1989, 165; Edwards, Gadd, Hammond 1971, 665.

⁶⁹ Tavernier 2004, 17.

⁷⁰ Подробнее о царской резиденции Ахеменидов в Сузах см.: Perrot 2013.

⁷¹ О восстаниях в Эламе см.: Potts, 1999, 316–317.

случае слова, соответствующие понятию *bandakā*, отражали скорее реалии определенного народа, имеющего устоявшуюся письменную традицию и собственный длительный опыт взаимодействия с персами, который мог иметь как негативное, так и позитивное влияние. В подтверждении данного умозаключения можно отметить, что, к примеру, термин «сатрап» (*xšāθrapāvan*), который встречается в Бехистунской надписи (DB. III. 14, 54), не находит адекватного отражения в эламской версии и передается с помощью транслитерации *saksapamana*⁷² или *šakšabama*⁷³, а в аккадской версии вовсе с помощью термина *paḥātu/piḥātu*, который переводится как «областеначальник» или «наместник» и однозначно не отражает семантические значения, вкладываемые в него персами⁷⁴. В дальнейшем авторы аккадских текстов также переймут эламский опыт, и в аккадском появится слово *ahsad(a)rapannu*, которое будет соответствовать древнеперсидскому *xšāθrapāvan*.

Несмотря на все обозначенное выше, пока нельзя однозначно сказать, какое значение имел термин *bandakā* в Бехистунской надписи, так как мы ещё не обращались непосредственно к тексту источника. Так, *bandakā* являются персы Видарна (Гидарн), Виндафарна, Ваумиса, Артавардия, Гобрий, а также мидиец Тахмаспада и армянин Дадаршиш. Все они выступают подручными Дария I, которые по велению царя отправляются подавлять восстания в тех или иных областях империи. Кроме того, *bandakā* применяется к двум непосредственным сатрапам⁷⁵ – персам Дадаршишу и Виване.

Таким образом, *bandakā* использовался для обозначения не только персов, но и представителей других этносов. Также нужно отметить, что персы Гобрий, Виндафарна и Гидарн фигурируют в числе представителей знатных персидских родов, которые были участниками заговора против Гауматы и могли рассчитывать на протекцию со стороны Дария I. Античные авторы неоднократно свидетельствуют об очень высоком политическом статусе выше обозначенных персов и об их матримониальных связях с царским родом Ахеменидов⁷⁶. На наш взгляд, их положение в вертикали власти Ахеменидской державы не дает никаких оснований именовать их рабами.

В завершение необходимо рассмотреть арамейский эквивалент словосочетания *manā bandakā*, который в тексте Бехистунской надписи, сохранившейся на папирусе IV в. до н.э., выражен посредством слова *ʾlym*⁷⁷. К сожалению, арамейский текст Бехистунской надписи сохранился лишь фрагментарно и имеет достаточно позднее происхождение. Из-за этого нам неизвестно, какое арамейское слово заменяет словосочетание *manā bandakā* при перечислении Дарием I стран, которые стали ему подвластны. Но при этом мы знаем, что термином *ʾlym* названы

⁷² Грантовский 1971, 322.

⁷³ Hallock 1969, 211.

⁷⁴ Э.А. Грантовский убедительно доказал, что уже в конце VIII в. до н.э. некоторые иранские имена, зафиксированные ассирийскими текстами, имели значения «хранитель власти» или «хранитель царства», «осуществляющий защиту царства» и др. Тем самым он показал, что термин «сатрап» изначально не был связан с существованием больших государств и административным делением, а приобрел соответствующее значение позднее. Подробнее: Грантовский 1971, 303–304.

⁷⁵ Строго говоря, в Бехистунской надписи только персы Дадаршиш и Вивана имеют титул сатрапов Бактрии и Арахозии соответственно.

⁷⁶ Подробнее см.: Орлов 2016, 776–784.

⁷⁷ Greenfield, Porten 1982, 62.

Гидарн, армянин Дадаршиш, Ваумиса, перс Дадаршиш, Артавардия и Вивана⁷⁸. Стоит отметить, что понятиям *kurtaš* и *māniya* в арамейской версии соответствует слово *bd*, которое обычно переводится как «раб».⁷⁹ Дж. Таверньер пишет, что в некоторых случаях *lym* соответствует термину *marīka*⁸⁰, который мог обозначать поданного или слугу, но никак не раба. Р. Шмидт также считает, что *lym* обозначает слугу⁸¹. С.Р. Тохтасьев отмечал, что термин *bandakā* равнозначен арамейскому *lym* и «обозначает непосредственного подчиненного царя в рамках административной системы и подданных в случае с населением Тигранокерта».⁸²

Надо сказать, что термин *lym* активно используется в арамейских письмах сатрапа Аршамы, которые были найдены в Египте. В этих документах *lym* обозначает зависимого или служивого человека, но не раба. Так, слово *lym* используется для обозначения рабочих, скульпторов и начальника гарнизона, которых Аршамы лично пригласил, а также многих других людей, фигурирующих в письмах, в том числе управляющего имением Аршамы (TAD A6.3; TAD A6.4; TAD A6.9; TAD A6.11; TAD A6.12). Кроме того, человек, имеющий в письмах статус *lym*, всегда однозначно стоит выше того, кто обозначается словом *bd*⁸³.

Также важно отметить саму специфику имперского арамейского языка, на котором написаны названные источники. С.В. Лёзов отмечает, что имперский арамейский как официальный письменный язык Ахеменидской империи поддерживался на высоком уровне стандартизации, прежде всего в области орфографии⁸⁴. Исходя из этого, можно предположить, что социальные термины, которые использовались писцами при составлении документов, должны были иметь достаточно строгую и однозначную семантику, чтобы адресат и адресант могли понять друг друга, несмотря на культурные различия.

Мы полагаем, что обращение *lym*, которое встречается в Бехистунской надписи и эпистолярных документах, является формой сервильного обращения между людьми, социальный и политический статус которых значительно различается. Такая форма обращения наглядно демонстрирует иерархичность, существующую в любой вертикали власти.

Таким образом, исходя из анализа значений терминов *libar*, *ardu*, *qallu* и *lym*, которые использовались для обозначения понятия *bandakā*, мы можем прийти к нескольким выводам. Во-первых, древнеперсидское выражение *manā bandakā*, скорее всего, отражало особый тип подчинительной связи между Великим царем и его подданными, которая базировалась на лояльности и верности, а не на сосредоточении в руках монарха безграничной власти. Во-вторых, каждый иноязычный термин, которые использовались для передачи понятия *bandakā*, имел свою, иногда тысячелетнюю, практику применения и соответственно был полисемантичен. Это особенно хорошо прослеживается на аккадском материале, где слова *ardu* и *qallu* могут обозначать как человека с очень низким социальным статусом (например, раба или слугу), так и использоваться в официальной переписке и представлять

⁷⁸ Вае 2001, 377.

⁷⁹ Вае 2001, 377.

⁸⁰ Tavernier 2001, 165.

⁸¹ Schmitt 1996, 95–101.

⁸² Тохтасьев 2013, 94.

⁸³ Folmer 1995, 270.

⁸⁴ Лёзов 2009, 501.

собой сервильную форму обращения для выражения почтения, но далеко не всегда подчинения между адресатом и адресантом. В-третьих, ни один из рассмотренных терминов не может адекватно отражать значение древнеперсидского термина *bandakā*, так как писцы зачастую руководствуются имеющейся в культуре литературной традицией, а также передают термины, выражающие социальные отношения, через призму восприятия представителей завоеванных народов, что может приводить к определенным искажениям. Подводя итог данному исследованию, надо сказать, что древнеперсидское слово *bandakā*, судя по всему, более корректно переводить посредством понятий «подвластный», «подчинённый», «поданный», но ни в коем случае не как «раб» или «слуга». При этом термины *libar*, *ardu*, *qallu* и *ʾut*, когда они выступают эквивалентом *bandakā*, также не следует переводить словом «раб», так как эти термины сами по себе имеют широкий спектр значений, способных лучше отразить социальный статус и характер подчинительной связи отдельно взятых лиц того или иного общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, В.И. 1950: Перевод персидского текста Большой, или Бехистунской надписи. В кн.: В.В. Струве (ред.), *Хрестоматия по истории Древнего мира*. Т. 1. М., 255–263.
- Грантовский, Э.А.: 1971 О распространении иранских племен на территории Ирана. В кн.: Б.Г. Гафуров (ред.), *История Иранского государства и культуры: к 2500-летию иранского государства*. М., 286–327.
- Д'Агостино, Ф.: 1995: Набонид и цилиндр Кира. *ВДИ* 2, 169–175.
- Дандамаев, М.А. 1963: Иран при первых Ахеменидах. М.
- Дандамаев, М.А. 1974: *Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. (626–331 гг.)*. М.
- Дандамаев, М.А. 1985: *Политическая история Ахеменидской державы*. М.
- Дандамаев, М.А. 2013: *Ахеменидская империя. Социально-административное устройство и культурные достижения*. СПб.
- Дьяконов, И.М. 1956: *История Мидии от древнейших времён до конца IV в. до н. э.* М.
- Дьяконов, И.М. 1959: *Рабовладельческие имена персидских вельмож*. *ВДИ* 4, 70–92.
- Дьяконов, И.М. 2012: *История Мидии*. Баку.
- Дьяконов, М.М. 1961: *Очерк истории древнего Ирана*. М.
- Иванчик, А.И. 2000: История державы Ахеменидов: источники и новые интерпретации. По поводу публикаций: Р. Briant. *Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre*. P., 1996; idem. *Recherches récentes sur l'Empire achéménide*. Lyon, 1997 (Topoi. Orient–Occident. Suppl. 1). *ВДИ* 2, 174–198.
- Козырева, Н.В. 2016: *Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н. э. – середина II тыс. до н. э.)*. СПб.
- Лёзов, С.В. 2009: Арамейские языки. В кн.: А.Г. Белов, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова (ред.), *Языки мира: Семитские языки*. Т. I: *Аккадский язык. Северозападносемитские языки*. М., 414–495.
- Меликов, Р.С. 2013: *Древнеперсидские надписи. Транслитерация, перевод, глоссарий*. Баку.
- Оранский, И.М. 1966: Несколько замечаний к вопросу о времени введения древнеперсидской клинописи. *ВДИ* 2, 107–116.
- Оранский, И.М. 1975: О соотношении периодизации истории языка с периодизацией памятников письменности (На материале истории иранских языков). *Вопросы языкознания* 2, 32–46.

- Орлов, В.П. 2016: Шесть знатных персов и их потомки при Дарии I: положение персидской аристократии в Ахеменидской империи. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки*. Т. 158. Кн. 3. 776–784.
- Расторгуева, В.С., Эдельман, Д.И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2 (b–d). М.
- Роллингер, Р., Хенкельман, В.Ф.М. 2017: Греки в Ахеменидской перспективе по данным клинописных текстов из Вавилонии и Персеполя. В кн.: О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Сеницын, Е.В. Смыков (ред.), *IRANICA. Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н. э. – VI в. н. э.* Казань, 65–89.
- Рунг, Э.В. 2015: Имперская идея в государстве Ахеменидов. *ПИФК* 4, 196–212.
- Тохтасьев, С.Р. 2013: Граесо-Iranica из Северного Причерноморья. В кн. А.Н. Коваленко (отв. ред.) *Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник статей к 65-летию В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону, 93–96.
- Тюрин, В.О. 1951: Социальное положение kur-taš по документам из «сокровищницы» Персеполя. *ВДИ* 3, 3–23.
- Функ, Б. 1990: Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников. *ВДИ* 2, 3–23.
- Юсифов, Ю.Б. 1961: Термины для рабов в Мидии, Эламе и Персии середины II тысячелетия до н. э. *ВДИ* 4, 32–49.
- Вae, С.Н. 2001: *Comparative Studies of King Darius's Bisitun Inscription*. PhD Diss. Harvard University.
- Balcer, J.M. 1984: *Sparda by the Bitter Sea: Imperial Interaction in Western Anatolia*. Chico.
- Balcer, J.M. 1995: *The Persian Conquest of the Greeks 545–450 B.C.* Konstanz.
- Borbor, D. 2015: The Role of the King of Kings: An Interpretation in Historiography. In: M. Rodziewicz, M. Michalak (eds.), *In Quest of Identity Studies on the Persianate World*. Warsaw, 13–39.
- Bradley, K., Cartledge, P., 2011: *The Cambridge World History of Slavery*. Vol. 1: *The Ancient Mediterranean World*. Cambridge.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Colditz, I. 2000: *Zur Sozialterminologie der iranischen Manichäer. Eine semantische Analyse im Vergleich zu den nichtmanichäischen iranischen Quellen*. Wiesbaden.
- Dandamaev, M.A. 1984: *Slavery in Babylonia: from Nabopolassar to Alexander the Great (626–331 B.C.)*. De Kalb.
- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1989: *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*. Cambridge–New York.
- Edwards, I. E. S., Gadd, C. J., Hammond, N. G. L. 1971: *The Cambridge Ancient History*. Vol. 1. Pt. 2: *Early History of the Middle East*. Cambridge.
- Eilers, W., Herrenschmidt, C. 1989: «Banda». In: *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 3. London, 682b–685a.
- Folmer, M.L. 1995: *The Aramaic Language in the Achaemenid Period: A Study in Linguistic Variation*. Leuven.
- Frye, R.N. 1984: *The History of ancient Iran*. München.
- Gelb, I. J., Landsberger, B., Oppenheim, A. L. 1962: *The Assyrian Dictionary*. Chicago.
- Gerschevitch, I. 1948: Rev.: Cameron G.G. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948. *Asia Majo* 2, 139–142.
- Greenfield, J.C., Porten, B. 1982: *The Bisitun inscription of Darius the Great. Aramaic Version. Text, Translation and Commentary*. London.
- Greenfield, J.C. 1967: Some aspects of treaty terminology in the Bible. In: *Proceedings of the Fourth World Congress of Jewish Studies: Papers*. Vol. 1. Jerusalem, 117–119.
- Hallock, R.T. 1969: *Persepolis Fortification Tablets*. Chicago.

- Hinz, W. 1976: *Darius und die Perser. Eine Kulturgeschichte der Achämeniden*. Baden-Baden.
- Kent, R.G. 1950: *Old Persian: Grammar, Text, Lexicon*. New Haven–Conn.
- Khačikjan, M. 1998: *The Elamite language*. Roma.
- Kleber, K. 2017: Neither Slave nor Truly Free: The Status of the Dependents of Babylonian Temple Households. In: L. Culbertson (ed.), *Slaves and Households in the Near East*. Chicago.
- Kratz, R. 2002: From Nabonidus to Cyrus. In: A. Panaino, G. Pettinato (eds.), *Ideology as Intercultural Phenomena*. Milano.
- Lincoln, B. 2015: Representing the Lie in Achaemenian Persia. In: Ph. Swennen (eds.), *Démons iraniens. Actes du colloque international à l'occasion des 65 ans de Jean Kellens*. Liège, 135–144.
- Missiou, A. 1993: ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The Politics of Translation. *CQ* 43.3, 377–391.
- Mitchell, C. 2015: Achaemenid Persian Concepts Pertaining to Covenant and Haggai, Zechariah and Malachi. In: R. Bantzer, G.N. Knoppers (eds.), *Covenant in the Persian Period*. Winona Lake, 291–306.
- Oppenheim, A.L. 1985: The Babylonian Evidence of Achaemenid Rule in Mesopotamia. In: I. Gershevitch (ed.), *The Cambridge History of Iran*. Vol. 2: *The Median and Achaemenian Periods*. Cambridge, 529–587.
- Perrot, J. 2013: *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. London.
- Potts, D.T. 1999: *The Archaeology of Elam: Formation and Transformation of an Ancient Iranian State*. Cambridge.
- Sato, S. 1974: Miscellanea on the Achaemenid Empire. *ORIENT: The Society for Near Eastern Studies in Japan (Nippon Oriento Gakkai)* 10, 21–30.
- Schmitt, R. 1991: *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great: Old Persian Text. Corpus Inscriptionum Iranicarum*. London.
- Schmitt, R. 1996: Bemerkungen zu dem sog. Gadatas-Brief. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 112, 95–101.
- Schmitt, R. 2009–2010: *Bisitun iii: Darius's Inscriptions*, <http://www.iranica.com/articles/bisitun-iii>.
- Skjærvø, P.O. 2005: The Achaemenids and the Avesta. In: J. Curtis, S. Stewart (eds.), *The Birth of the Persian Empire*. London–New York, 52–84.
- Skjærvø, P.O. 2016: *An Introduction to Old Persian*, <https://sites.fas.harvard.edu/~iranian/OldPersian/opcomplete.pdf>
- Stolper, M.W. 1985: *Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian Rule in Babylonia*. Leiden.
- Tavernier, J. 2001: An Achaemenid Royal Inscription: The Text of Paragraph 13 of the Aramaic version of the Bisitun Inscription. *Journal of Near Eastern Studies* 60, 161–176.
- Tavernier, J. 2004: Some Thoughts on Neo-Elamite Chronology. *ARTA* 3, 1–44.
- Tuplin, C.J. 2010: All the King's Men. In: J. Curtis, St. J. Simpson (eds.), *The World of Achaemenid Persia*. London, 51–61.
- Vasilescu, M. 2010: GADATHC. Observații asupra unui antroponim de pe un graffito de la Romula. *Arheologia Moldovei* 23, 151–188.
- Waters, M. 2017: *Ctesias' Persica and Its Near Eastern Context*. Madison–London.
- Wiesehöfer, J. 1996: *Ancient Persia: from 550 B.C. to 650 A.D.* London–New York.

REFERENCES

- Abae, V.I. 1950: Perevod persidskogo teksta Bol'shoy, ili Bekhistunskoy nadpisi [Translation of the Persian text of the Great or Behistun inscription]. In: V.V. Struve (ed.), *Khrestomatiya*

- po istorii drevnego mira [Reader on the History of the Ancient World]*. Vol. 1. Moscow, 255–263.
- Agostini, F.D'. 1995: Nabonid i tsilindr Kira [Nabonidus and «Cylinder of Cyrus»]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 2, 169–175.
- Bae, C.H. 2001: *Comparative Studies of King Darius's Bisitun Inscription*. PhD Diss. Harvard University.
- Balcer, J.M. 1984: *Sparda by the Bitter Sea: Imperial Interaction in Western Anatolia*. Chico: California University Press.
- Balcer, J.M. 1995: *The Persian Conquest of the Greeks 545–450 B.C.* Konstanz.
- Borbor, D. 2015: The Role of the King of Kings: An Interpretation in Historiography. In: M. Rodziewicz, M. Michalak (eds.), *In Quest of Identity Studies on the Persianate World*. Warsaw, 13–39.
- Bradley, K., Cartledge, P., 2011: *The Cambridge World History of Slavery*. Vol. 1: *The Ancient Mediterranean World*. Cambridge.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Colditz, I. 2000: *Zur Sozialterminologie der iranischen Manichäer. Eine semantische Analyse im Vergleich zu den nichtmanichäischen iranischen Quellen*. Wiesbaden.
- Dyakonov, I.M. 1956: *Istoriya Midii ot drevneyshikh vremen do kontsa 4 v. do n.e.* [History of Media from the earliest times until the end of the 4th century BC]. Moscow–Leningrad
- Dyakonov, I.M. 1959: Rabovladel'cheskie imeniya persidskikh vel'mozh [Slave-worked estates of the Persian magnates]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 4, 169–175.
- Dyakonov, I.M. 2012: *Istoriya Midii [History of Media]*. Baku
- Dyakonov, M.M. 1961: *Ocherk istorii drevnego Irana [Outline of the history of ancient Iran]*. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 1963: *Iran pri pervykh Akhemenidakh [Iran under the early Achaemenids]*. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 1974: *Rabstvo v vavilonii, VII–IV vv. do n.e* [Slavery in Babylonia in the 7th–4th centuries BC]. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 1984: *Slavery in Babylonia: from Nabopolassar to Alexander the Great (626–331 B.C.)*. DeKalb.
- Dandamaev, M.A. 1985: *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy [A political history of the Achaemenid Empire]*. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 2013: *Akhemenidskaya imperiya. Sotsialno-administrativnoe ustroystvo i kulturnye dostizheniya [Achaemenid Empire. Socio-administrative structure and cultural achievements]*. Saint Petersburg.
- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1989: *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*. Cambridge–New York.
- Edwards, I.E.S., Gadd, C.J., Hammond, N.G.L. 1971: *The Cambridge Ancient History*. Vol. 1. Pt. 2: *Early History of the Middle East*. Cambridge.
- Eilers, W., Herrenschildt C. 1989: «Banda». In: *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 3. London.
- Folmer, M.L. 1995: *The Aramaic Language in the Achaemenid Period: A Study in Linguistic Variation*. Leuven.
- Frye, R.N. 1984: *The History of ancient Iran*. München.
- Funk, B. 1990: Rannie svyazi grekov s derzhavoy Akhemenidov v svete drevnepersidskikh i antichnyh istochnikov [Early Relations between Greeks and the Empire of the Achaemenians in the light of Old Persian and Classical Sources]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 2, 3–23.
- Gelb, I.J., Landsberger, B., Oppenheim, A.L. 1962: *The Assyrian Dictionary*. Chicago.
- Gerschevitch, I. 1948: Rev.: Cameron G.G. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948. *Asia Major* 2, 139–142.

- Grantovskiy, E.A. 1971: O rasprostraneniі iranskikh plemen na territorii Irana [On distribution of Iranian tribes in Iran]. In: B.G. Gafurov *Istoriya iranskogo gosudarstva i kul'tury: k 2500-letiyu iranskogo gosudarstva* [History of Iranian state and culture: for the 2500th anniversary of the Iranian state]. Moscow, 286–327
- Greenfield, J.C., Porten, B. 1982: *The Bisitun inscription of Darius the Great. Aramaic Version. Text, Translation and Commentary*. London.
- Greenfield, J.C. 1967: Some aspects of treaty terminology in the Bible. In: *Proceedings of the Fourth World Congress of Jewish Studies: Papers*. Vol. 1. Jerusalem, 117–119.
- Hallock, R.T. 1969: *Persepolis Fortification Tablets*. Chicago.
- Hinz, W. 1976: *Darius und die Perser. Eine Kulturgeschichte der Achämeniden*. Baden-Baden.
- Ivanchik, A.I. 2000: Istoriya derzhavy Akhemenidov: istochiki i novye interpretatsii. Po povodu publikatsii P. Briant. Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre. P., 1996; idem. Recherches récentes sur l'Empire achéménide. Lyon, 1997 (Topoi. Orient–Occident. Suppl. 1) [The history of the Achaemenid power: sources and new interpretations (Apropos of two publications: Briant P. Histoire de l' Empire perse. De Cyrus à Alexandre: Paris, Fayard, 1996; Recherches récents sur l' Empire achéménide. Suppl. 1, Lyon, 1997)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 2), 174–198.
- Kent, R.G. 1950: *Old Persian: Grammar, Text, Lexicon*. New Haven–Conn.
- Khačikjan, M. 1998: *The Elamite language*. Roma.
- Kleber, K. 2017: Neither Slave nor Truly Free: The Status of the Dependents of Babylonian Temple Households. In: L. Culbertson (ed.), *Slaves and Households in the Near East*. Chicago.
- Kozyreva, N.V. 2016: *Ocherki po istorii yuzhnoy Mesopotamii perioda ranney drevnosti (VII – seredina II tys. do n. e.)* [Studies in the History of Southern Mesopotamia in Early Antiquity (from the 7th to the middle of the 2nd millennium BC)]. Saint Petersburg.
- Kratz, R. 2002: From Nabonidus to Cyrus. In: A. Panaino, G. Pettinato (eds.), *Ideology as Intercultural Phenomena*. Milano.
- Lincoln, B. 2015: Representing the Lie in Achaemenian Persia. In: Ph. Swennen (eds.), *Démons iraniens. Actes du colloque international à l'occasion des 65 ans de Jean Kellens*. Liège, 135–144.
- Lyesov S.V. 2009: Arameyskie yaziki [Aramaic languages]. In: A.G. Belov, L.E. Kogan, S.V. Loesov, O.I. Romanova (eds.), *Yaziki mira: Semitskie yaziki. T. 1: Akkadskiy yazik. Severozapadnosemitskie yaziki* [Languages of the World: The Semitic Languages. Vol. 1. Akkadian. Northwest Semitic]. Moscow, 414–495.
- Melikov, R.S. 2013: *Drevnepersidskie nadpisi. Transliteratsiya, perevod, gloassiriy* [Old Persian inscriptions. Transliteration, translation, glossary]. Baku.
- Missiou, A. 1993: ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The Politics of Translation. *Classical Quarterly* 43.3, 377–391.
- Mitchell, C. 2015: Achaemenid Persian Concepts Pertaining to Covenant and Haggai, Zechariah and Malachi. In: R. Bautch, G.N. Knoppers (eds.), *Covenant in the Persian Period*. Winona Lake, 291–306.
- Oppenheim, A.L. 1985: The Babylonian Evidence of Achaemenid Rule in Mesopotamia In: I. Gershevitch (ed.), *The Cambridge History of Iran*. Vol. 2: *The Median and Achaemenian Periods*. Cambridge, 529–587.
- Oranskiy, I.M. 1966: Neskol'ko zamechaniy k voprosu o vremeni vvedeniya drevnepersidskoy klinopisi [A few remarks on the date of introduction of ancient Persian cuneiform]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 2, 107–116.
- Oranskiy, I.M. 1975: O sootnoshenii periodizatsii istorii yazika s periodizatsiey pamyatnikov pis'mennosti (Na materiale istorii iranskikh yazikov) [On the correlation between the

- periodization of the history of a language and written records. (On the base of history of Iranian languages)]. *Voprosy Yazykoznanija* [Topics in the study of language] 2, 32–46.
- Orlov, V.P. 2016: Shest' znatnykh persov i ih potomki pri Darii I: polozhenie persidskoy aristokratii v ahemenidskoy imperii [Six noble Persians and their descendants under Darius I: The position of the Persian nobility in the Achaemenid Empire]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series] 158.3, 776–784.
- Perrot, J. 2013: *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. London.
- Potts, D.T. 1999: *The Archaeology of Elam: Formation and Transformation of an Ancient Iranian State*. Cambridge.
- Rastorgueva, V.S., Edel'man, D.I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [The Etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 2 (b–d). Moscow.
- Rollinger, R., Khenkelman, W.F.M. 2017: Greki v Akhemenidskoy perspective po dannim klinopisnokh tekstov iz Vavilonii i Persepolya [New observations on “Greeks” in the Achaemenid empire according to cuneiform texts from Babylonia and Persepolis]. In: O.L. Gabelko, E.V. Rung, A.A. Sinitsyn, E.V. Smykov (eds.), *IRANICA: iranske imperii i greko-rimskiy mir v VI v. do n.e. – VI v. n.e.* [IRANICA: Iranian Empires and Greco-Roman World from the 6th Century BC to the 6th Century AD]. Kazan, 65–89.
- Rung, E.V. 2015: Imperskaya ideya v gosudarstve Ahemenidov [The idea of empire in the state of the Achaemenids]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 4, 130–140.
- Sato, S. 1974: Miscellanea on the Achaemenid Empire. *ORIENT: The Society for Near Eastern Studies in Japan (Nippon Oriento Gakkai)* 10, 21–30.
- Schmitt, R. 1991: *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great: Old Persian Text. Corpus Inscriptionum Iranicarum*. London.
- Schmitt, R. 1996: Bemerkungen zu dem sog. Gadatas-Brief. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 112, 95–101.
- Schmitt, R. 2009–2010: *Bisitun iii: Darius's Inscriptions*, <http://www.iranica.com/articles/bisitun-iii>.
- Skjærvø, P.O. 2005: The Achaemenids and the Avesta. In: J. Curtis, S. Stewart (eds.), *The Birth of the Persian Empire*. London–New York, 52–84.
- Skjærvø, P.O. 2016: *An Introduction to Old Persian*, <https://sites.fas.harvard.edu/~iranian/OldPersian/opcomplete.pdf>.
- Stolper, M.W. 1985: *Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian Rule in Babylonia*. Leiden.
- Tavernier, J. 2001: An Achaemenid Royal Inscription: The Text of Paragraph 13 of the Aramaic version of the Bisitun Inscription. *Journal of Near Eastern Studies* 60, 161–176.
- Tavernier, J. 2004: Some Thoughts on Neo-Elamite Chronology. *ARTA* 3, 1–44.
- Tjurin, V.O. 1951: Sotsial'noe polozhenie kur-taş po dokumentam iz “sokrovishchnitsi” Persepolya. [The social status of kur-taş according to Persepolis treasury tablets]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 3, 21–39.
- Tokhtasyev, S.R. 2013: Graeco-Iranica iz Severnogo Prichernomor'ya [Graeco-Iranica from the northern Black Sea region]. In: A.N. Kovalenko (ed.), *Prichernomor'e v antichoe i rannesrednevekovoe vremya. Sbornik statey k 65-letiju V.P. Kopylova* [Black Sea region during the antiquity and early medieval times. Studies presented to V.P. Kopylov's 65th birthday]. Rostov-on-Don, 93–96.
- Tuplin, C.J. 2010: All the King's Men. In: J. Curtis, St. J. Simpson (eds.), *The World of Achaemenid Persia*. London, 51–61.

- Vasilescu, M. 2010: GADATHC. Observații asupra unui antroponim de pe un graffito de la Romula. *Arheologia Moldovei* 23, 151–188.
- Waters, M. 2017: *Ctesias' Persica and Its Near Eastern Context*. Madison. London.
- Wiesehöfer, J. 1996: *Ancient Persia: from 550 B.C. to 650 A.D.* London–New York.
- Yusifov, Yu. B. 1961: Termini dlya rabov v Midii, Elame i Persii seredini II tisyacheletiya do n.e. [Terms for slaves in the Media, Elam and Persia of the middle of the II millennium BC.]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 4, 32–49.

PERSIAN ARISTOCRACY IN THE ACHAEMENID EMPIRE:
SOCIAL STATUS (ON THE MEANING OF THE TERM BANDAKĀ)

Vasiliy P. Orlov

Kazan Federal University, Kazan, Russia
777warlock777@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the meaning of the word bandakā, which occurs in the Behistun inscription of Darius I. The issue of the correct way to translate the word bandakā has not been resolved among the historians. This term encounters in the Old Persian version of the Behistun inscription in the phrase manā bandakā. Initially the definition manā bandakā was translated as ‘my slave’ or ‘my servant’. The modern scholars tend to believe that a more correct translation is ‘my subordinate’ or ‘my vassal’. The aim of the paper is to analyze the meaning of the phrase manā bandakā based on its equivalents, which occur in the Elamite, Akkadian and Aramaic versions of the Behistun inscription. The author concludes that an address of the king to his subordinates testifies to their high social status, which was due to the direct political connection with the Persian monarch. The author argues that the phrase manā bandakā, reflected in the Elamite, scholars, often translated Akkadian and Aramaic languages, differently, that sometimes prevents us from adequate understanding of the political realities of the Achaemenid Empire.

Keywords: Achaemenids, aristocracy, Darius I, Behistun inscription, social status
